

18+

А. И. ШУСТ

Повелитель птиц

НЕНАВИСТЬ

А. И. Шуст

Повелитель птиц. Ненависть

«Издательские решения»

А. И. Шуст

Повелитель птиц. Ненависть / А. И. Шуст — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983621-2

В мире, где правят убийцы, где властвует насилие, жесткая иерархия и бесконечные правила, Он продолжал искать ее. Продолжал, чтобы убить.

ISBN 978-5-44-983621-2

© А. И. Шуст
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Глава 1. Отрицание	8
Смазливое Личико	8
И снова то лицо	10
Глава 2. Гнев	13
Магия, черт возьми!	13
Что надо знать о хранителях времени	15
Глава 3. Торг	19
Голос в голове	19
Иерархия и дети-слуги	22
Глава 4. Депрессия	25
Посвящение	25
Одиночество	28
Глава 5. Принятие	36
Дворец Весны	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Повелитель птиц

Ненависть

А. И. Шуст

© А. И. Шуст, 2020

ISBN 978-5-4498-3621-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Зимнее солнце роняло тусклые лучи, едва доходившие до земли. Снег блестел, будто в нем затаились сотни мельчайших осколков, а голые, укутанные в белые одеяния деревья, казалось, спали непробудным сном.

Зима в деревне Зенит, о чьём существовании знали, вероятно, лишь сами жители, была невероятно холодной. Каждый выходящий на улицу человек выпускал изо рта клубы пара и непременно кашлял – слабые легкие южан не привыкли к подобному сковывающему холоду.

– Возьми хотя б шапку! Амели!

Девушка в длинном коричневом пальто выбежала на улицу и махнула рукой стоящей в дверном проеме бабушке, прикрывающейся одним халатом.

Школа находилась в тридцати минутах ходьбы от дома, но можно было и сократить путь, пройдя через волчью чащу.

Это место, напоминающее небольшой лес, славилось дурными слухами о стаях волков, готовых разорвать все движущееся в километре от них.

Но, конечно, дети не были бы детьми, если бы не бегали в чащу, дабы просто сократить путь, на спор, или же так, самому себе доказать, что ничего страшнее белок в лесу не водится.

Амели была в волчьей чаще не раз и не два, и как никто другой знала, что все слухи о нем остаются слухами. Она свернула на нужную тропинку, не отвлекаясь на виды заснеженных деревьев.

Девушка знала каждый сучок в лесу, каждый корень и все до единого камни, поэтому искренне удивилась, когда вдруг споткнулась и кубарем покатила вниз, по склону из грязи и торчащих корней деревьев.

Затормозив, Амели потёрла ногу и выдохнула. Теперь она точно опоздает в школу.

Внезапно рядом села птица, голубь, и, склонив голову набок, принялась разглядывать Амели, которая в какой раз протерла глаза.

Разве птицы так умеют?

Девушка заинтересованно протянула руку.

И вздрогнула, когда голубь послушно сел ей на предплечье.

– Ручной что ли... – пробормотала Амели, пытаясь погладить птицу, а затем взвизгнула и отправила окровавленный палец в рот.

Нахмурившись, девушка попыталась прогнать голубя. Но тот будто не замечал резких движений, продолжая вглядываться в лицо рыжеволосой.

Постепенно вокруг слетелось ещё с сотню птиц: это были голуби, вороны, снегيري, воробы...

В одно мгновение они все накинулись на девушку.

Снег побагровел.

Птицы разлетелись по деревьям вокруг ещё живой девушки, лежавшей на кроваво-красном снегу, нарушая тишину взмахами крыльев и изредка издавая звуки, понятные только им.

Неожиданно, будто из неоткуда, возле Амели появилась фигура в чёрном плаще. Человек скрывал своё лицо под белой потертой маской.

– Ты... похожа, – тяжёлый, грубый голос будто звучал отовсюду одновременно; Амели вздрогнула и в очередной раз судорожно вздохнула, не в силах подняться. – Но не она.

Мужчина развернулся и быстро зашагал куда-то вдаль, бросив небрежное:

– Убить.

Птицы немедля накинулись на девушку, издавшую последний слабый крик.

Часть I

Глава 1. Отрицание

Смазливое Личико

Я никогда не любила птиц.

Эти пугливые, совершенно безмозглые мелкие существа не вызывали у меня ничего, кроме отвращения и понятной лишь черту злости.

Папа говорил, что, однажды, ко мне в комнату залетела целая стая, прямо посреди ночи; они отказывались улетать – тогда пришлось выгонять их шваброй.

Возможно, именно после того случая вороны и голуби стали главными героями кошмаров?

Как бы то ни было, боялась я или нет, птицы меня слушались. Любой мой приказ – мысленный или устный, – они будто бы беспрекословно выполняли. Или так кажется? Птицы – слушаются?..

Мои размышления прерывает писк брата, разносившего комнату. Я бы поверила, что у меня талант кинолога, если б не это животное, с которым справиться стоит огромных усилий.

– Васька, смотри, что я нашёл!

Я кидаю на него убивающий взгляд, когда понимаю, что он держит в руке. Мой – мой! – личный дневник. Мое сокровище!

Стараюсь быстро выхватить потертую тетрадь, но брат быстро уворачивается, пряча оную за спиной.

– Ваня, – я смотрю на него фирменным предупреждающим взглядом. Обычно этого более чем достаточно, но сегодня, похоже, ему не хватает активности.

Брат резво подскакивает и с присущей ему ловкостью убегает прямо у меня под носом. Буркнув пару не очень приличных слов о его поведении, порываюсь за ним.

Но дневник Ваня отдавать не хочет от слова никак, уворачиваясь и хихикая при каждой возможности. Когда, казалось, я его вот-вот схвачу, он каким-то образом ускользает. Однако, к несчастью для брата, я бегаю быстрее, и уже через пару минут преступник пойман с поличным.

– Не трожь чужое, понял? – вырвав потрепанную тетрадку у него из рук, я хватаю мальчишку за шиворот.

– Да просто так взял, все равно ж читать не умею... – жалостливо тянет Ванька, едва не хныкая. – Вась, я есть хочу.

Он строит гримасу голодного ребёнка из Африки со смесью кота из Шрека – старый приём.¹

Я на его уловки не поддаюсь с тех пор, как этому хулигану исполнилось пять.

– Иди спать, – твёрдо приказываю, понимая, что тот просто хочет выпросить у меня печенье или чипсы.

Брат опускает голову и, показав язык, громко топает в спальню.

Я хмыкаю ему вслед. Нечего чужое брать!

Хотя, конечно, научить читать его надо, семь лет ребёнку – большой уже.

¹ – полнометражный анимационный фильм киностудии режиссёров и Вики Дженсон по мотивам детской книги «». Всего создано 4 части «Шрека». **Шрек** [Dreamworks Pictures](#) [Эндрю Адамсона](#) [Уильяма Стейга](#) [Шрек!](#)

Ваньку я вообще всегда любила, как родного, несмотря на все его выходки и полное нежелание слушаться старших. Особенно если эти старшие – его сестра.

Я закидываю дневник за старый разваливающийся шкаф и, надев валенки, выхожу на улицу. Нужно снять белье, которое, естественно, примерзло к бельевой веревке. Ничего кардинального с климатом не произошло.

Но я жалею об этом после пары попыток отломать свитер или джинсы от верёвки; отчаянно вздыхаю и, от недостатка кислорода, видимо, пытаюсь облокотиться о простынь, плюхаюсь прямо на задницу. Выдыхаю. Как всегда – отличный конец дня.

Да, хочется попросить кого-то о помощи, но кого? Соседей, съехавших с ума лет десять назад? Взять ту же тётю Фросю, говорящую только одной фразой... Или бабу Раю, воющую по ночам?..

Вздрагиваю, когда неожиданно лают собаки, прервав мои размышления, и напрягаюсь: просто так они не шумят. Только если идёт кто-то чужой. А таковых в наших местах целая уйма, в особенности алкоголиков, наркоманов и прочих приятных личностей.

Я быстро хватаю метлу, стоящую неподалёку именно для таких случаев, и направляюсь к воротам.

Они распахиваются первее.

В проёме – мужчина в чёрном длинном плаще, с короткими темными волосами. Замечаю, что он смотрит на какой-то нетипичный браслет у него на руке. Пристально.

Наркоман какой-то городской, что ли?

– Проваливай отсюда! – кричу я, угрожая метлой.

Он смотрит на меня, будто это я приперлась в его дом, и, нахмурившись, опускает руку.

– По слогам повторить? – все тем же твёрдым тоном уточняю я. Должного эффекта это не произвело, так как мужчина заходит во двор, резко захлопывая ворота.

– Василиса Румянцева? – прямо спрашивает он басом. Ну и голос.

– Ва-ли. На-хрен, – как и обещала, проговариваю по слогам, замахнувшись самодельным оружием.

Для всех алкашей, перепутавших двор, это весомый аргумент, чтобы бежать подальше от рыжего чудовища в моем лице. Но парень либо закалённый, либо просто придурок.

Второй вариант мне явно кажется вероятнее.

Он раздраженно бурчит что-то, вновь пялится на браслет и затем снова – на меня.

Хорошим терпением я никогда похвастаться не могла, и, нацелившись на смазливое личико парня, пускаю в расход метлу.

Не знаю, как, но он ловко уворачивается, так что деревяшка проносится по воздуху. В ту же секунду что-то тяжёлое подкашивает мне ноги; падаю в сугроб, чертыхаясь и проклиная все на свете. А парень все так же стоит на месте, будто ничего и не делал.

Я фыркаю от злости, пытаюсь подняться, но он тут же, присев, хватает мои кисти и прижимает их к холодной земле.

– Что за... – начинаю я, попытавшись ударить парня где-то между ног, но промахиваюсь. В результате он просто переносит на мои руки весь вес, заставив меня фактически заскулить от боли и послушно прижать ноги к себе.

– Тварь, – отрезаю, более-менее привыкнув к его весу... насколько можно к нему привыкнуть.

И, не найдя варианта лучше, плюю ему в лицо.

Да, черт возьми. Останусь побеждённой, но никак не униженной.

По всей видимости, на этом его терпение кончается.

Вытерев лицо рукавом, он приподнимает меня и неожиданно резко опускает.

Лопатки обдаёт жаром, вдруг перехватывает дыхание и становится больно кашлять.

Последнее, что вижу, – смазливое личико парня – вещь, которую я ненавижу больше всего на свете.

И снова то лицо

В помещении жутко холодно и шумно. Я слышу голоса сотни людей, но не могу разобрать ни одного слова. Голова гудит и, кажется, вот-вот разорвётся.

Я приоткрываю глаза, пытаюсь понять, где нахожусь, но вижу лишь кучу ног в одинаковых туфлях.

Стараюсь незаметно повернуть голову. Потолок, стены, пол... все вокруг железное.

Я хмурюсь. Это бункер? Куда этот ублюдок меня притащил?

Тихо чертыхнувшись про себя, пытаюсь найти примерный выход, но... но ничего! Совершенно.

Как будто мы – в консервной банке. И места приблизительно также: тесно, душно, сжато.

Опираясь о стенку и потирая затылок, я поднимаюсь, но находящиеся в помещении люди не обращают на меня никакого внимания. Они разговаривают, и сейчас я могу даже разобрать некоторые слова. Вот только из этих слов предложений не составишь.

– Хэй!

Итак, попытка привлечь чьё-то внимание оказывается неудачной, а в груди что-то сжимается, предупреждая, что кричать лучше не стоит.

Ну и ладно. Надо искать выход из этой консервной банки.

Я медленно иду вдоль стены, стуча и колотя ее где угораздило, почему-то решив, что дверь замаскирована.

Но ничего не выходит, не открывается, я не нахожу долгожданную ручку или выступающую арку.

Стены начинают давить, а я – понимать клаустрофобов.

Не изменяется ничего, кроме гула за спиной: разговоры стихают. Постепенно, один за другим, пока в банке не становится совсем тихо.

Я оборачиваюсь.

На меня пялятся сотни пар глаз, во взгляде которых читается все: от недоумения до отвращения.

Я хмыкаю и полуоборачиваюсь, вздернув подбородок.

– Чего уставились? – сухо интересуюсь.

Скрещиваю руки на груди.

В ответ – молчание.

Пожав плечами, я разворачиваюсь, продолжая стучать по стенам.

– Эй, рыжая! – окрикивает кто-то.

Я резко поворачиваю голову, вглядываясь в толпу. Ну и как должна понять, кто это был?

– Что? – отвечаю спустя пару секунд, решив не лезть в разборки с психами. Себе дороже.

– Ты с Земли что ли свалилась? – с усмешкой произносит стоящая ближе ко мне девушка.

У неё идеально прямые короткие белоснежные волосы, будто нарисованные, глаза какого-то неестественного желтого оттенка, а в дополнении – странная, кукольная фигура. Она настолько совершенна, что это режет глаза.

Ну точно жертва пластической хирургии.

– Нет блин, – с сарказмом отвечаю я, фыркнув.

Девушка мерит меня взглядом, слабо пожав плечами.

– Я Ариадна Бестрисс.

– Бе-что? – переспрашиваю я, все удивляясь фантазии городских. Как только детей не называют...

Желтоглазая изящно изгибает светлую бровь.

– Ты головой ударилась? – высокомерно спрашивает. Слишком высокомерно.

Сзади слышатся смешки, но никто так и не рискует вставить слово.

– Разве что о твою самооценку, – отрезаю в ответ, чувствуя, что все. Терпение на конце иглки.

А по толпе проносятся охи и ахи. Удивляться дерзости? Бред!

– Ты, похоже, хранитель слизней, – продолжает девушка, не пошевелив ни единым мускулом (как робот, вот точно), – раз не знаешь, кто я такая.

Короче, все понятно. Она тоже псих.

– Да, да, все правильно, – я улыбаюсь так, как обычно улыбаются не особо разумным детям. – А теперь отойди на минутку, поговорим о твоих слизнях позже.

Я ещё раз одаряю Бе- улыбкой и разворачиваюсь обратно.

Но не успеваю дотронуться рукой до стены, как меня в неё впечатывает.

Я пытаюсь отстраниться, но вместо этого поднимаюсь в воздух и отчаянно дергаю ногами.

– Твою мать! – ругаюсь неосознанно, понимая, что это белобрысая меня держит своими кукольными ручонками. – Что за...

– Какое тебе дело до моей матери? – звучит прямо над ухом голос желтоглазой.

Я хмурюсь. Точно психопатка!

– Больно, – стою, взывая к жалости, вместо ответа. И тут же жалею.

Груз на спину резко усиливается, и я целуюсь со стеной. Параллельно чувствуя, как сдавливаются все мои косточки. Так и лепёшкой стать недалёко.

– Ты обязана отвечать на мои вопросы, иначе будет гораздо хуже. Ты лишь...

Не дослушав этот скучный монолог, я поворачиваю голову щекой к металлической стене и бормочу:

– Не о таком первом поцелуе я мечта-А-ай!

Последнюю фразу повторяю несколько раз, так как боль перестаёт быть шуточной. Голова резко кружится, в висках стучит.

– Ариадна, что происходит? – слышится знакомый не выражающий ничего голос. – Прекрати. Немедленно.

Бе- не отвечает, но я чувствую, что давление спадает, а через секунду с присущим шлепком валюсь на пол. И лежу пластом там же.

Отлично, просто замечательно.

– Ещё раз подобное повторится – не посмотрю на твой статус, Ариадна.

Я наконец отдышалась и нахожу силы повернуть голову.

Замираю.

Дверь! За толпой небольшая лестница, что ведет прямо к квадратной арке!

Почему я раньше ее не заметила? Впрочем, ответ меня особо не интересует. Это выход, выход на свободу!

Резко подорвавшись, я со всех ног бегу в нужную мне сторону.

Оказалось сложнее, чем думала, прорваться сквозь сотни людей – они уступать дорогу явно не собираются.

А ещё из поля зрения пропал смазливое личико.

Но, конечно, он быстро обнаруживается, когда я врезаюсь прямо в его крупную накачанную тушку.

Черт!

Я резко отскакиваю, задумав обогнуть его, но парень ловко перехватывает мою руку и выворачивает ее обратно.

Я со всей силы наступаю Смазливому личику на ногу. Стараюсь вывернуться из его больших лап (получается так себе), чертыхнувшись, быстро приближаюсь к его кисти и впиваюсь в неё зубами.

По моим подсчётам, кровь точно должна появиться, но...

Не остается даже следа укуса.

– Что за?.. – повторяю я уже ставшую привычной фразу и хочу сделать очередную попытку рвануть к двери, как вдруг перестаю чувствовать землю.

А в последнее время это плохой знак.

– Отпусти-и! – воплю, колотя спину парня.

Нести меня, как мешок с картошкой... Да какое право он, черт возьми, имеет?

Правда, парень не слушает, продолжая идти в стену. В стену!

Но когда он подходит к ней и прикладывает к выступу ладонь, части металлической перегородки раздвигаются, образуя проход.

Почему со мной такая штука не работала?

Глава 2. Гнев

Магия, черт возьми!

В этой, скажем, «комнате» светло и тесно – места, как в кладовке. Только в кладовых есть хлам, а здесь – пусто, лишь голые алюминиевые стены и пара малюсеньких шкафчиков, стоящих в углу.

Смазливое личико резко опускает меня и сразу же прислоняет к стене. Наглый. Приду-рок.

Я закатываю глаза, уже ничему не удивляясь.

– Объясни, – почему-то это напоминает приказ, – как ты испортила все за десять минут? Тебя оставлять одной нельзя?

– Испортила? – я пялюсь на парня. Очередной псих. Кто-то попал на их анонимное собрание. – Слушай, я не состою в вашей секте. Лучше отпусти меня по-хорошему, без проблем, не хочу тут оставаться.

Он внимательно смотрит мне в глаза, будто ища там... изъян. Неприятное чувство.

– Я не спрашивал пожелания. Поверь. Не мне одному наплевать на твоё мнение.

Парень наконец переводит взгляд и отстраняется, отходя к шкафчикам.

Скотина. Значит, по-хорошему он не хочет?..

– А мне плевать на твоё, – выплевываю я и рвусь к арке.

Не знаю, какая реакция у этого психа, но он в одно мгновение ударяет по стене, и проем захлопывается.

Одна секунда.

Я же, не обладая такой реакцией, затормозить с разгона не успеваю и хорошо так врезаюсь в стену; врезаюсь, третий раз за час.

– Зашибись, – выдыхаю, когда смазливое личико хватает меня за плечо и переправляет на обратную сторону.

– Выслушай. Или...

– Идиоты, вас найдёт полиция, они всех в тюрьму посадят, а мой брат-

Договорить я не успеваю. Что-то больно колит в плечо – и моментально немеет язык, а за ним и все тело.

А парень выкидывает использованный шприц в урну и поворачивается ко мне.

Я со злобой смотрю на него, повторяя про себя: «Ненавижу».

– Молчать – значит молчать, – грозно произносит он. – Меня зовут Владимир. Место, в которое тебя привезли – Центр.

Видимо, заметив мой враждебный взгляд, он выдыхает.

– Я от тебя тоже не в восторге. Сюсюкаться никто не будет, слушай.

Ага, хрен с два ему!

Увидев, что ничего в моем враждебном выражении лица не меняется, он раздраженно дергает плечами и продолжает:

– Земляне называют это «магией». Она существует.

Короче, точно псих. Я попала в психушку. Офигеть.

– Но не в таком виде, как вы ее представляете.

Определенно это единственное нормальное объяснение. Слетела с катушек. Говорили же, не надо без шапки на морозе ходить...

– Миром правят Хранители, они владеют определенной отраслью. Главными считаются Хранители Времени – наше правительство, могущественней кого не было.

Владимир раздумывает, а я строю план побега. Так, какая ближайшая к нашему дому психиатрическая больница?..

– Есть стражи. Наше предназначение – служить Хранителям.

Смазливое личико облокачивается о стену, сдвинув брови. Похоже, вспоминает из каких сказок бред наворотить.

– Сила хранителей передаётся только по наследству, и, обычно, даже отрасль не меняется. Случалось, что ребёнок хранителей времени становился хранителем... чувств. Редко. Существуют предатели, как твоя мать, которая сбежала и... так хранители попадают на «землю» – мир обычных людей. И появляются бастарды – дети вроде тебя.

Все, что мне удастся выяснить из монолога, так это то, что Владимир не просто псих. А псих подраздела Конченный.

– Но хочешь того или нет, ты – хранитель, принадлежишь этому миру, никто назад тебя не пустит. Просто забудь прошлое.

Забудь? Он серьёзен? Хмурюсь еще сильнее.

– У всех хранителей есть какие-то базовые способности, но основа определяется специализацией. И к каждому, после посвящения, приставляется свой страж.

Он когда-нибудь затыкается? Злость напоминает с каждой секундой.

– Да пошли вы! – выкрикиваю, как только осознаю, что могу это сделать. – Психи!

Смазливое личико прикладывает руку ко лбу, рыча:

– Невыносима.

– Я о тебе того же мнения. И хочу до-мой, ясно? Психушка не то...

Парень резко ударяет стену, от чего я вздрагиваю, и приближается ко мне, лицом к лицу.

– Хочешь домой? Пожалуйста. найдут тебя гораздо раньше, а затем убьют. Вместе с горячо любимым братом. *Они*

Руки начинает покалывать.

– Кто – они?

– Если будешь слушать, а не пытаться сбежать и ненавидеть все вокруг...

– Мне плевать! – прерываю. – Ваня – мой брат! Я не брошу семью! – громко кричу, прямо ему в лицо.

Владимир злобно сверкает глазами, наконец расслабляется и разжимает кулаки.

– Сводный.

Я давлюсь воздухом, кашляю. Да, Ванька не мой родной брат, но об этом знаю лишь я, сам Ваня и отец. Информация никогда не разглашалась, фамилию брата я сменила на свою и... как бы то ни было, по характеру мы с ним невероятно схожи; никто не знал о тайне. Никто.

Я округляю глаза, глядя на парня.

– Откуда ты...

– Я знаю о тебе все, вплоть до первого слова. Мы не тащим в Центр кого попало.

У психов есть информация обо мне. Это... это странно, блин.

– Тащим – хорошо сказано, – язвлю, насупившись. – Все равно не останусь. Будешь держать – сбегу.

Смазливое личико хмурится и скрещивает руки на груди, отстраняясь.

А я наконец начинаю чувствовать свои конечности. Быть парализованной рядом с больными психически – такое себе удовольствие...

Так что сейчас или никогда.

Вдруг застонав и схватившись за живот, медленно, по стенке, оседаю на пол.

– Что случилось? – не выражая хоть каких-то эмоции, спрашивает Влад.

– Живо-от... – жалостливо тяну, пытаюсь скопировать приём Вани с глазами. И не таких ломали.

Парень спокойно подходит и садится рядом на корточки.

Вот он – момент!

– Дай посмотреть, – страж, не сомневаясь, тянется к моему животу.

Я резко ударяю смазливое личико в грудь, подсакиваю. Он негромко и даже насмешливо хмыкает, хотя меня уже ничего не интересует.

Я рвусь к противоположной стене, как что-то (точнее, кто-то) вцепляется в мою ногу и резко тянет назад. Камнем падаю на спину, тут же качусь вправо. От стража, который упирается ровно в то место, где было секунду назад моё тельце.

Русские не сдаются!

Поднимаюсь, сжав зубы, пытаюсь не обращать внимания на режущую боль в копчике.

Но огромные лапы ухватывают меня за талию и, сделав какое-то крученное сальто на придурительной основе, я вновь оказываюсь на полу, корчась от боли спине.

С той лишь разницей, что теперь сверху оказывается Владимир, прижимающий мои запястья к полу.

Я тяжело дышу, никак не понимаю, где нахожусь, но все равно продолжаю какие-то слабые попытки вырваться.

А Владу на все это пофиг. Брыкаюсь я или нет, пытаюсь ли сбежать... да у него даже причёска не пошевелилась.

– Ненавижу тебя, – плюю, глядя прямо ему в глаза, невольно подмечая, что они у него, как и брата, небесно голубые. Не подходит этому идиоту такой цвет.

– Похоже, ваши чувства взаимны, – слышится чей-то мелодичный голос сбоку.

Что надо знать о хранителях времени

– Отпусти, – твёрдо произношу, удивившись, когда Смазливое личико спокойно убирает свои лапы и встаёт, резво поднимая меня за собой.

Я наконец замечаю, что в помещении стоит ещё двое людей (когда они зашли?): седой, сморщенный, как изюм, старик и... парень-альбинос.

Не просто альбинос, а симпатичный альбинос с угольными глазами, в таком же странном чёрном костюме с кучей прикрепленных карманов, как и у Смазливого личика (разве что без плаща). Ну и отличная мускулистая фигура идёт в комплекте.

– Я что, достопримечательность? – усмехается парень, скрестив руки на груди.

– Конечно. Альбинос в нашем климате...

Парень растягивает пухлые губы в улыбке и едва открывает рот, как вмешивается старик:

– Где? – его голос, к слову, тоже чем-то напоминает изюм. Хрипящий и «морщенный». – Сто тринадцатый, вы...

– Не успел, – перебивает страж, облокотившись о стену, оглядывая со скучающим видом комнату.

– Да, вы тут немного другим были заняты, – еще раз ухмыляется альбинос. И хоть говорит он полный бред, я, почему-то, молчу, любясь его идеальными чертами.

– Ди, – зато дед не молчит. Он укоризненно смотрит на парня и, покачав головой, вновь обращается ко мне: – Центр находится под землёй.

– Зе-землёй? – я выпучиваю глаза, понимая, насколько они психи. Мотаю головой, твёрдо добавляю: – Немедленно. Отпустите. Меня.

– Вы... Василиса, поймите, вы не можете уйти. У нас наконец появилась возможность убить Повелителя.

– Кого? – я хмурюсь.

И одновременно со стариком смотрю на Владимира, который нейтрально пожимает плечами, мол, не мое дело.

– Давайте пройдемся, я вам все доходчиво объясню, – искренне улыбается дед и кивком указывает на открывающийся проход.

Я кидаю неуверенный взгляд на Владимира и тут же энергично киваю, увидев его протест. В любом случае, этого старикашку вырубить легче, чем высоченного психа.

Я юркаю в проход. В банке до сих пор стоит куча людей, желтоглазая, как ни в чем не бывало, разговаривает с каким-то парнем.

Я кивком указываю на девушку, спрашивая:

– Кто это?

Старик не отвечает. Только хмурится.

– Василиса, я не вправе об этом говорить, – наконец выдает он.

– Что? Почему?

Говорю это я больше для поддержания диалога, выглядывая дверь на свободу. А там, плевать, как-нибудь доберусь.

– Запрещено говорить о хранителях высших каст, это приравнивается к сплетням, – штудирует изюм, глядя прямо перед собой. – Пункт десять дробь четыре. Вы тоже довольно быстро выучите правила.

– Я не собираюсь ничего учить, – хмыкаю, удивляясь его уверенному тону, – как и оставаться в этом месте.

Старик выдыхает и смотрит на меня.

– «Это место» – Центр...

– Какая разница?

– Василиса, послушайте, это серьезно. Вы ведь... – хрипит, кашляет и неуверенно тихо добавляет: – Спасете мир...

– «Спасете мир», – пародирую. – Как это просто звучит, да? Проблема одна – мы не в сказке.

– Но попытаться...

– Нет, – отрезаю я, развернувшись к старику. – Я не участвую в ваших психоделических играх. А возвращаюсь к брату.

Пока шестерёнки в мозгах дела крутятся, быстро направляюсь к замеченной лестнице.

– Мы не можем ошибиться ещё раз, постойте!

Его слова задевают, и я торможу. Зачем? В этом случае любопытство сильнее меня.

– Так я не первая, кого вы сюда притаскиваете?

– И, вероятно, не последняя.

Ага. Сжимаю кулаки, выдыхая.

– Хранители времени – кто они?

– В-вы...

– Повелитель птиц?

– Он враг...

Пристальной взглядываюсь в побледневшее лицо старика. Чего он боится? Почему?

– Хранители Времени – наше правительство, мисс Бестрисс – дочь старейшины, вероятно, наш будущий правитель.

– А Повелитель птиц?

– Он... Я не имею... пра...

Дедушка вдруг замолкает, его зрачки расширяются, заполняя даже радужную оболочку. Ну а я неожиданно понимаю, что сама не могу шевелиться – ноги приклеились к полу.

И приходится стать невольным наблюдателем.

Старик бледнеет ещё больше, став вообще практически белоснежным, его пальцы вдруг скрючиваются.

Раздаётся крик, полный боли, безвыходного смирения...

И через секунду на месте человека оказывается песок.

Прошло некоторое время, прежде чем я понимаю, что это не песок.

Что это – прах.

– Твою дивизию... – выдыхаю, пока не осознаю, что говорить все ещё могу.

Но не двигаться. В ушах до сих пор стоит этот полный боли крик.

А затем рядом возникает какая-то синяя штука – проекция женщины с гулькой и безвкусной белой челкой. Ей бы к стилисту!

Она смотрит на меня, улыбается донельзя кривой улыбкой и начинает отвратительно-идеальным голосом:

– Здравствуйте, Василиса. Я рада, что вы к нам присоединились. И настоятельно рекомендую выучить кодекс Хранителя, иначе, – она легко кивает в сторону праха, – случается что-то подобное. Если я вам нужна – зовите. Моё имя – Кларисса.

Она одаряет меня очередной фальшивой улыбкой и исчезает.

Я сдвигаюсь с места, сильнее сжав кулаки. Я злюсь. Я недоумеваю.

Кто она такая, чтобы указывать? Кто такая, чтобы распоряжаться жизнью невинного человека? Как она это делает?

Не знаю, но будь эта женщина хоть всея мира, не имеет права ни на что подобное.

– Кларисса! – ноги приклеиваются к полу, вновь появляется проекция женщины, лицом очень похожая на крысу.

– Да, Василиса? – она улыбается, только теперь ее улыбка выражает явное раздражение. Я бы даже сказала, она означает: «Скажешь ещё хоть слово – убью и лично закопаю». Что ж, рискнем.

– Почему вы постоянно улыбаетесь? Знаете, «улыбка без причины – признак дурачины». Я невинно хлопаю глазами, невинно улыбаюсь. Притворяюсь дурочкой.

А вот Клариссу чуть не перекосило, но при этом она продолжает лыбиться.

– У вас замечательное чувство юмора, но все же настоятельно рекомендую прочесть правила. Как можно быстрее.

Слышится хлопок, женщина опять исчезает. Я провожу рукой по волосам, нахмурившись.

– Ага, хрен с два я здесь останусь, – хмыкаю, разворачиваясь... но почему-то остаюсь на месте. Ноги до сих пор крепко приклеены к полу. – Что за?..

Пытаюсь поднять правую ногу – и вновь провал.

– Так, значит, ты правда девчонка с Земли.

Я корпусом разворачиваюсь к Бе-, окружённой ее личной стайкой, хмыкая:

– Не парься, уже ухожу.

Девушка усмехается – ого, у нее есть мимика! – задерживая взгляд на ногах, замечает:

– А это вряд ли.

Я резко дёргаюсь и тут же машу руками, пытаюсь выровняться и балансировать.

– Это твои приколы? – огрызаюсь.

– Нет, – девушка легко качает головой, боясь (не дай Бог!) растрепать свою причёску. – Ты нарушила одно из главных правил, так что удивительно, что... все ещё не в виде праха.

– Это, наверное, связано с посвящением; она ведь не прошла церемонию. Вдруг окажется временником? – высказывается щуплый белобрысый парень в очках, а рядом стоящая с ним такая же щуплая белобрысая девочка цокает:

– Ла ладно, какой из этой – временник? Слизняк она.

– Хэй, приве-ет, я все ещё здесь! – привлекаю к себе внимание, помахав рукой.

Подростки ещё пристальней вглядываются в моё лицо, кажется, удивляясь, что землячка – о Боги! – не глухая, так ещё и разговаривает.

– А что это у тебя на лице? Ты забыла умыться? – спрашивает тёмная девочка, которая меньше, ниже всех.

Я машинально провожу ладонью по щеке, но, так ничего не обнаружив, пожимаю плечами.

– Ничего.

– А эти пятна?

И еще раз протираю щеку. Посмотрела на ладонь, не понимая.

– Ты про веснушки?.. – наконец доходит, когда девочка тыкает в мою щеку пальцем.

– Фу, противная штука. Тебя, наверное, жутко дразнят из-за уродства. Бедняжка...

Я уже чуть ли не огрызаюсь, снова, как в голову приходит отличная идея.

Бежать отсюда надо, но гораздо проще это сделать, когда тебя никто не трогает. А состроить грустную гримасу не составит труда.

– Она ещё и заразна, представляешь?

Эффект не заставляет себя ждать: все, абсолютно все резко отошли назад, толкаясь и наступая друг другу на ноги. Психами легче управлять, чем кажется.

Да и как раз вовремя: стопы начинает покалывать.

– Ладно, а где у вас здесь выход?

Подростки, не дослушав, разворачиваются, указывая в сторону нужной двери.

– Что здесь происходит?

Теперь я ругаюсь, причём довольно громко, что становится ошибкой.

Тут же пулей направляюсь к выходу. Почему этот смазливый идиот постоянно лезет, куда не надо?

И почему у него такая хорошая реакция?

Он загораживает мне путь.

Прорывав что-то невнятное, я выхватываю у убирающей зал девочки ведро с водой и опрокидываю ему на голову.

Не сдержавшись, подростки прыскают со смеху, а я огибаю парня и рвусь к выходу. Осталось пару шагов, как...

– Время забыть. **ВРЕМЯ ЗАБЫТЬ!**

Это крик, крик громкий, бесконтрольный. Мне как будто орут прямо в барабанные перепонки, а они от этого лопаются снова и снова.

Не выдержав, я хватаюсь за уши и валюсь на пол. Все тело горит.

Последнее, что я вспоминаю – Ваня.

И тут же забываю.

Навсегда.

Глава 3. Торг

Голос в голове

Я крепко жмурюсь и открываю глаза. Яркость помещения, его белоснежность мешает спать и раздражает. Слышится умеренное тиканье каких-то приборов.

– Василиса! Ты проснулась! – громкий голос разрезает тишину, я морщусь и медленно поворачиваю голову. Рядом с койкой сидит Ди, идеально сливающийся со всем белым в округе.

– Привет, – на удивленно легко говорю, хотя чувствую себя, как выжатый лимон. – Можно просто Вася, а то язык сломаешь.

– Хорошо, Ва-ся, – он улыбается, сверкая белыми зубами. Знает же, что даже больше, чем симпатичный.

– Почему я здесь?

– Потому что упрямая.

Я закатываю глаза, мысленно ругаясь.

– И тебе привет, Смазливое личико.

– Смазливое личико? Влад, а тебе идёт, – подмигивает Ди.

Страж не отвечает, подойдя ближе к койке. Его крупной тушке не идёт белый халат.

– Сейчас ты немедленно отправляешься заучивать правила, – произносит он так, что у любого нормального человека желание перечить должно было пропасть явно. Но я себя к нормальным, по всей видимости, не отношу.

– Нет, – спокойно отвечаю, поднимаясь и облакачиваясь о спинку кровати. – Вы и... и эта крыса от меня ничего не дожждётся.

Настроение Ди сменяется, когда я обзываю Клариссу; ну а Владимир всегда хмурый, хрен поймёшь, что у него на уме.

– Вася, тут... другое... – неуверенно начинает альбинос, почесав макушку. – Ты уже две недели в крыле. И была на грани.

– Две недели? – я выпячиваю глаза.

Почему так долго? Им было выгодно? Или просто решали, жить мне или нет?

Голоса в голове говорят мне доверять системе, но я не знаю, доверяю ли голосам.

Я понимаю лишь, что все, что они мне рассказывали – правда. Магия существует, а это не психушка. Эта мысль пришла мне в голову не сразу, а лишь когда я решила попробовать смириться.

А там небось сбегу. Только бы втереться в доверие придуркам вроде Влада...

Ладно. В любом случае, надо сохранять спокойствие. Хотя бы внешнее.

Я выбиваю барабанную дробь пальцами по животу.

– Поэтому так хочется есть.

Смазливое личико прикладывает руку к лицу и, круто разворачиваясь, уходит.

– Невыносима, – слышится из коридора.

Ди, ненадолго замявшись, выходит за ним. А я что?

Если Кларисса не убила меня, пока была возможность, я нужна ей живой. А, значит, время устанавливать свои правила в не-своём мире.

Меня наконец отпускают с, как они сказали, «лечебного блока», выдав странный комплект одежды, напоминающий костюм стражей, только отдельный, без карманов. И жутко неудобный – из-за высокого воротника сильно чешется шея, а серый цвет мне не очень идёт.

Хотя, интересует не это, а местоположение столовой и когда можно идти набивать желудок.

Оказалось, их столовая ничем не отличается от обычной. Разве что столы и скамьи чистые, а еду выдаёт не вредная тетка, а робот. Правда, тоже вредный.

– Дай. Мне. Мяса, – прикрикиваю я на бездушный кусок железа.

– Вам предписаны свежие овощи и фрукты. Желудок должен постепенно привыкнуть к перевариванию твердой...

Я игнорирую этот бред, перевожу взгляд на тарелку с кусочками салата, которые назвать едой можно лишь с большим трудом.

Но слишком долго стоять и требовать чего-нибудь стоящего нельзя – очередь образовывается быстрее, чем робот поддаётся уговорам.

Показав ему язык, я разворачиваюсь. Щурюсь.

Все тут же ставятся в свои тарелки, явно не имея желания со мной сидеть. Ну, половину понять можно – заразятся веснушками, жизнь будет кончена... но остальные?

Остановив взгляд на мирно беседующих Владимире и Ди, я улыбаюсь и направляюсь к ним.

Плюхаюсь рядом с альбиносом, ставя тарелку на стол.

И поднимаю брови, когда стражи пялятся на меня.

– Что? – удивлено спрашиваю, отправляя салат в рот.

– Хранители не сидят со стражами. Это правило.

– Не тебя спрашивала, Смазливое личико, – хмыкаю. – Кто этот бред придумал? Не хочу я сидеть с... этими, – кивок в сторону знаменитой Бе-

– Да ладно, так веселее, – оптимистично парирует Ди, наконец отмерев. У тебя сегодня первая тренировка?

– Уху, – вздыхаю, произвольно глядя на Влада. – Я тоже хочу, – и жалостливо перевожу взгляд на три огромных стейка у Ди в тарелке. Живот поддерживает меня и начинает исполнять песню умирающего кита.

– Да ну. У тебя очень аппетитные... э-э... зеленые...

Смазливое личико вдруг поднимается, хмурясь. Быстро доходит до робота.

– Стейк.

И хорошенько ударяет оно, что даже остается вмятина.

Я непонятливо хлопаю глазами, когда тарелка с мясом чуть ли не прилетает ко мне. Хорошо хоть не в голову.

Впрочем, хлопаю недолго, это же еда!

Пожав плечами, принимаюсь уплетать стейк за обе щеки.

Смазливое личико с ненавистью сверкает глазами, круто разворачиваясь.

– Через пять минут жду на тренировке.

И так же быстро выходит из столовой, пока я едва не давлюсь мясом.

– Он...

– Да, твой наставник. Куратор, – все так же лучезарно улыбается Ди. – А я – его помощник.

– Ну хоть какие-то плюсы, – недовольно бурчу я. Если твой тренер – тот ещё псих... в общем, это сомнительное удовольствие.

– Сначала, правда, это должна была быть Петра. Но Влад сам отказался.

Я отрываюсь от тарелки, переспрашивая:

– Петра?

Вместо ответа парень кивает на девушку, сидящую с понуренной головой. Первое, что бросается в глаза, – офигенные длинные темные волосы, заплетенные в конский хвост. Даже зависть берет.

И да, я честно пытаюсь представить себе эту картину... но, не сдержавшись, прыскаю со смеху. Владимир и кто-то? Оставьте.

Отпиваю немного сока.

– Он странный.

– Постарайся с ним подружиться, или из тренажерки не вылезешь.

Парень резко подрывается, кинув вслед:

– Появишься позже меня – дам обидную кличку.

Блин, а он знает путь к моему сердцу!

Поднимаюсь и, оставив стакан, бегу за стражем.

Мы попадаем в коридор. Хоть и бегают Ди неплохо, я тоже не черепаха и отставать не собираюсь.

Но выносливости у меня все равно не так много, на очередном перекрёстке я резко уско-ряюсь и висну на спине стража. Мы с грохотом и непрекращающимся смехом валимся на пол.

– Я заслужила обидную кличку? – выдавливаю сквозь смех, выпуская Ди. Он хочет отве-тить, как вдруг резкой волной нас откидывает в разные стороны. В стены, если быть точнее.

Я жмурюсь от боли, громко выругавшись.

– «Напоминаю, что вне учебных залов представителям разных классов запрещается про-являть телесный контакт», – раздаётся отовсюду. Кисть жжет, я хватаю руку и прижимаю к себе, пытаюсь не всхлипнуть.

– Самое тупое правило в моей жизни, – рычу, поднимаясь. Аккуратно осматриваю кисть, но нахожу лишь небольшой синяк.

Перевожу взгляд на Ди и... и замираю, увидев, что его тело, лицо – все в шрамах. Тонких, толстых, бледных, едва заметных и выпуклых. Сотни их видов и подвидов.

– Что... оно, это... откуда? – быстро подхожу к альбиносу, провожу рукой по воздуху, пытаюсь схватить его локоть; он отступил.

– Обычно стражи скрывают шрамы, но этот выброс ненадолго снял маскировку, – Ди легко пожимает плечами, будто говорит о пустяке. – Это – наша жизнь.

Я ёжусь. Поджимаю губы.

– Это все – наказания?

– Не-а, просто шрамы с детства. Так будущих стражей приучают к дисциплине. Но есть и за наказания десяток другой... – Ди смотрит на свою правую ладонь, о чем-то задумавшись.

Я не нахожу что ответить. Почему они позволяют так над собой издеваться? Обращаться с собой, как с... никем? Опять же: кто такие эти хранители, чтобы распоряжаться жизнью сотни людей?

И почему я решаюсь стать одной из них, даже ради выгоды?

Голос в голове тут же начинает возмущаться и напоминать, что «ты рождена такой». Но мой ли это голос?

– У меня тут синяк, – наконец буркаю, потирая запястье. – Хотя, смотря на тебя, пони-маю, что все не так плохо.

– У Влада шрамы покруче. Но не просто так. Я не думаю, что есть кто-то сильнее его. Не считая...

– Ой, да ладно, – перебиваю. – Уверена, его и девчонка на лопатки уложит. Смазливое личико тот ещё размаз... да чего ты кривляешься? – спрашиваю у Ди, третий раз строившего бровями домики и выпячивающего глаза.

– Что же, Василиса Румянцева, пройдемте в зал. Покажете, как правильно надо на лопатки укладывать.

Я вздрагиваю и прикусываю язык, поняв, что сзади меня, видимо довольно долгое время, стоит Владимир.

Иерархия и дети-слуги

– Ну неет!.. – стону, прежде чем вновь оказаться на полу. Есть такое стойкое ощущение, что от лопаток осталось только два огромных синяка; а спина, по-моему, отказалась работать на десятом падении. Ну вот кто тянул меня за язык?..

Смазливое личико подаёт руку, я, ничего не подозревая, ухватываюсь, поднимаясь. И тут же, совершив кувырок не без помощи одного придурка, снова оказываюсь на полу.

– Больше любишь чесать языком, чем действовать, – язвительно произносит Владимир мне на ухо, тут же отстраняясь и скрепя руки. – Поднимайся. Выйдешь из зала, когда я окажусь на лопатках.

– С такими темпами ты и через миллиарды лет отсюда не выйдешь, Вась, – жизнерадостно замечает Ди, сидя на матах и наблюдая за происходящим. По идее, он должен давать наставления; но парень быстро понял бессмысленность своих действий.

– Можно сразу меня убить, а? – отчаянно прошу, откидывая со лба мокрую челку. И не спешу подниматься – тело точно сопротивляется всем попыткам встать.

– Пока я этого не захочу – нет, – твёрдо отвечает страж.

Наверное, именно с этого момента я понимаю, что влипла.

Выползти из зала удается не с первого раза – Смазливое личико, оказывается, не шутил. Я бы действительно осталась там на ближайшие лет десять, если бы не Ди: он отвлек Владимира, тем самым давая мне возможность сбежать.

Я шустро выхожу, захлопнув за собой дверь, и прислоняюсь к ней, пытаюсь выровнять дыхание.

– Ты считаешь это правильным? – слышится на удивление хмурый голос Ди.

– Не важно, – не на удивление хмурый голос Влада.

– Наоборот, твоё мнение сейчас решает её судьбу.

– Судьбу никогда не определяет что-то одно, существует определенное количество предпосылок. Слишком многое зависит от человека. Слишком многое зависит от... неё самой.

– И все-таки...

– Повелитель Птиц найдёт её, если уже не нашёл, Ди. Они встретятся. Я могу лишь оттянуть этот момент, на очень, очень недолгое время.

Я выдыхаю. «Повелитель птиц»?..

Бам!

По голове будто резко ударяют кувалдой. Я оседаю, схватившись за затылок руками, пытаюсь не вскрикнуть.

Появляется ощущение потерянной мысли: никак не могу ухватить нить...

Я понимаю, что что-то мешает мне думать. Мешает вспоминать.

Несмотря на боль, подскакиваю, едва услышав приближающиеся к двери тяжёлые шаги, так и держась за голову, направляюсь подальше. Не знаю, куда идти, поэтому поддаюсь интуиции и плетусь вперёд.

Через несколько метров я оказываюсь на лестнице. Идти вниз гораздо легче, чем подниматься, поэтому я и иду туда.

Ну, как иду, – качусь. С грохотом, шумом и болью.

Лёжа на полу, я слышу собственное тяжёлое дыхание. Почему, стоит мне услышать какое-то слова, голова начинает раскалываться? Что они со мной сделали? Что эти твари со мной сделали?

– Мисс, вам не стоит быть здесь. Мисс? Вы в порядке?

Я бурчу что-то невнятное, отмахнувшись. Говорить не хочется, хочется спать. Но даже этого наглый голос не даёт делать.

Какие-то маленькие ручки подхватывают меня и с немаленькой силой ставят на ноги, тут же придерживая за подмышку.

Я недовольно, с неким трудом открываю глаза и гляжу на мелкую девочку, удерживающую мою нелегкую тушку от падения.

Малышка... Она едва старше...

– Че-еерт... – Мои мысли прерывает та же резкая боль в голове.

Я отстраняюсь от девочки, облокотившись вместо неё о стену, и прикладываю ладони к вискам. Больно.

– Мисс?..

– Нет, Василиса. А тебя как зовут? – я стараюсь отвлечься, перевожу взгляд на мелкую.

На вид я ей не дала бы больше двенадцати, а пухлые щечки и губы только подтверждают мои мысли. Непропорционально большие голубые глаза пугают, тем более, что взгляд в них совсем не детский.

– Мисс – это обращение, – лепечет девочка, машинально приглаживая золотистую «гриву». – У меня нет имени, только номер: я третья, мисс.

– Третья? – Девочка кивает. – Какие только имена не дают детям...

– Я нумер, мисс, прислуга, у меня нет имени, – терпеливо поясняет девочка. Понять бы ещё, что поясняет.

– Тебе же лет десять, – недоверчиво фыркаю, – какая ещё прислуга? Мультики пересмотрела?

Малышка, даже не моргнув, отвечает:

– Мы нумеры – низший класс, служим хранителям и стражам.

Я шурюсь, вглядываясь в лицо девочки и замечая знакомые черты.

– Ты ведь была тогда в зале. Я выхватила у тебя ведро с водой. Ты мыла полы?

– Верно, но... Вам будет неинтересно, вы ведь... вы ведь... хранитель.

Она тут же потупляет взгляд и вся сжимается. Я хлопаю глазами, не до конца осознавая, что такого сделала.

Может, ей плохо? Позвать кого-нибудь из взрослых? Или сразу скорую вызвать?

Я машинально тяну руку к ее лбу, чтобы померить температуру, как девочка тут же отскакивает, забивается в угол, закрывая голову ладошками.

– Не бейте меня, мисс! Пожалуйста, мисс! Я не хотела запинаться, мисс... я просто, мисс, поверьте, я...

– Эй, малышка, все хорошо, – я пытаюсь улыбнуться, с трудом присев рядом с девочкой на корточки. – Никто тебя не обижает и бить не... да не за что такое делать!

Девочка недоверчиво и даже с долей снова недетского отвращения смотрит на меня, после чего тут же поднимается, отряхивая длинную юбку.

– Прошу меня простить, мисс. Вам что-то угодно, или я могу идти? – проговаривает она нейтрально, будто и не было никакой истерики.

Я поднимаюсь по стеночке, только сейчас осознавая, как сильно болят мышцы. Облокачиваюсь, плавно.

– Иди конечно, Катрина.

– Что? – девочка недоверчиво смотрит своими большими глазами и быстро переводит взгляд на меня, замывшись. – В смысле, мисс... вы, наверное, не расслышали, я вас не виню, просто... мисс, я – Третья. Три.

– Это не имя, ребёнок, – я несильно качаю головой. – А так... ка-Три-на. И тебе подходит. Девочка топчется на месте, явно не ожидая такого поворота событий.

– Это... это запрещено кодексом, мисс. Вы не можете давать мне...

– Могу, – прерываю ее. – Я не принадлежу вашему глупому миру, – хоть и голос говорит обратное, – и имею право на все, – аккуратно опускаю руку на плечо девочке. – Ты не какой-то там класс, ты – ребёнок, человек.

– Позвольте мне уйти, мисс, – Катрина сбрасывает мою руку, кидая на меня взгляд, полный прежнего отвращения и тихой злобы.

После моего кивка она быстрым шагом направляется дальше по коридору.

Я выдыхаю. Сколько тут таких детей? Как они промывают им мозги? И, главное, кто все это устраивает?

И почему мой внутренний голос продолжает настаивать, что это – норма?

Глава 4. Депрессия

Посвящение

– Проснись и пой! – звенит знакомый голос прямо над ухом, и я не сдерживаюсь от удара подушкой по симпатичному лицу его обладателя.

– Черт, Ди, заткнись, – мычу в ответ и поворачиваюсь на живот. – Ещё рано.

Он стягивает одеяло.

– Ты почему в одежде? – тут же возмущается.

– Не думала, что ко мне утром зайдёт какой-нибудь красавчик. Так бы, конечно, – парадное белье и чулки, – язвлю я, накрываясь уже подушкой.

Но и ее у меня отобрали, несмотря на попытки сопротивления.

– Не встану, – заключаю я, поворачиваясь на спину и с трудом открывая глаза. Тут же округляю их: сбоку, скрестив руки, стоит явно не Ди, а кое-кто вечно жутко угрюмый, высокий, в плаще. И, судя по лицу, он явно не доволен нахождением в моей комнате. И мной.

Пофиг! Делаю ровно такую же угрюмую мину.

– Вась, ну вставай. Сегодня тренировок не будет.

Я щурюсь, глядя на альбиноса.

– Правда?

– Ну...

– Ясно, – переворачиваюсь на бок, сворачиваясь калачиком. – Не пойду. Не-а.

Вдруг все затихает, я наивно решаю, что стражи ретировались, и собираюсь вернуть свои подушку с одеялом, как в следующую секунду...

Взлетаю.

Ну, не буквально – меня подхватывает Смазливое личико, и несет под мышкой, будто взял ковёр или любую другую вещь. Неживую вещь.

– Э-эй! – возмущаюсь я, попытавшись брыкаться, но не выходит: Владимир лишь усиливает хватку, отчего ребра хрустят, а я взвизгиваю. – Придурок.

Не отвечает.

Я все удивляюсь, как он может спокойно терпеть все мои выпады и не реагировать ни на один.

С другой стороны, плевать. Это меня заводит, хочется добиться от него хоть каких-то эмоций. *Хоть. Каких-то.*

Как только мы выходим в коридор, он ставит меня, шатающуюся, на ноги и хмуро скрепчивает руки на груди, возвращаясь в прежнюю позу. За нами выкатывается Ди, надрывающий живот от хохота.

Мой локоть быстро достаёт до его бока, и он пытается заглушить смех, прикрыв рот руками. Этим альбинос напоминает мне кого-то – такого же смешного и до предела милого. Только кого – я вспомнить не могу. Чертовы хранители со своей «магией».

– В следующий раз дам три секунды. Без шуток.

– Угу, пока спичка горит, – невольно улыбаюсь я, каким-то участком мозга осознавая, что он реально не шутит.

Смазливое личико подтверждает мои догадки, ещё больше сдвинув свои густые брови.

Вот злюка.

Громкий хлопок в ладоши разрывает напряжение.

– Итак, – альбинос лучезарно улыбается, встав между нами. – Сегодня у тебя по расписанию несколько общих лекций с остальными хранителями.

Я перевожу хмурый взгляд на Ди.

– Чего?

– Это весело!

Фыркаю, перекатившись с пяток на носки.

– Не думаю. С этими...

– Хранителями, – грозно прерывает Владимир.

Я фыркаю ещё раз.

– Ни капли, ни капли, я на них не похожа. К тому же, они могут заразиться веснушками, – указываю пальцем на свою щеку.

Альбинос испуганно отскакивает.

– Они зара?..

– Нет, – сразу отвечает второй страж.

Он откуда знает, что это такое? И почему тогда Ди понятия не имеет?

Мотаю головой:

– Не хочу, зачем мне туда?

– Это не мы решили, а приказ, – разводит руками альбинос. – Представь: целый день с хранителями...

Я кривлюсь, отступая. Может, ещё сбежать успею.

Смазливое личико тоже кривится, всего на долю секунды. Или, мне показалось?

– Стейк на завтрак, обед и ужин?

– Двойная порция, – пожимаю плечами.

– Наглость.

– Идёт.

Мы стукаемся кулаками, и я поворачиваюсь к Владимиру. Обречённо вздыхаю.

– Веди на эшафот.

Он молча направляется дальше по коридору.

Я застываю перед дверью и кидаю ещё один неуверенный взгляд на Ди.

– Может, ну его?

– Вася! – произносит он с акцентом.

Странно слышать своё имя другой интонацией; кажется, что оно тебе не принадлежит. А, возможно, так и есть.

Я ещё раз вздыхаю и прикладываю руку к стене. Дверь открывается.

Все сразу оборачиваются на меня.

Помещение напоминает школьный кабинет, только более навороченный: одиночные парты, интерактивная доска на всю стену, огромные высокие потолки, паркет...

Ну, ладно. Побывать здесь немного можно.

Всего одна парта не занята – стоящая в конце, на которой выгравировано «Vasilissa». Даже правильно имя написать не могут.

Я кривлюсь и плюхаюсь на стул, стараясь не обращать внимание на взгляды.

Бе- сидит на первой парте, в центре. У них всех такая же серая обтягивающая форма с высоким воротником, но смотрится на этих всех она в сто раз выгоднее, чем на бесформенной худой мне с «заразными» веснушками по всему телу.

– Кхм, – разрывает тишину мужчина, судя по всему, препод. На нем синий пиджак, чёрные брюки – обычная одежда обычного человека. На вид я б дала ему лет сорок, если бы не седые волосы и слишком большое количество морщин. – Добро пожаловать, мисс Румянова.

– Румянцева, – автоматически поправляю я, откидываясь на стуле.

Он равнодушно смотрит на меня из-под своих толстых очков, а затем снова кашляет и обращается уже к классу:

– Итак, давайте продолжим. Повторите то, о чем мы сейчас говорили, для мисс Румянцевой. – Мужчина кивает на парня за третьей партой. – Мистер Фриман?

Тот устало поднимает голову и оглядывает класс, будто только что проснулся и видит происходящее впервые.

– Мы говорили... о... – запинаясь, начинает он, но преподаватель прерывает:

– Достаточно. Останетесь после занятий.

Фирману, похоже, все равно. Он вновь опускает голову.

Теперь слышится голос Бе-:

– Речь шла о процессе посвящения.

– Верно, мисс Бестрисс, – одобряющий кивок. – Каждому из вас дадут шанс показать себя, свои способности, определить свою область. В замке Весны вы станете официальными хранителями. Но, увы, не все.

Я слушаю вполуха, разлегшись на парте. Да, говорят про какую-то церемонию впервые, но делать знающий вид легче, чем разбираться во всей этой ²

– Мисс Румянцева, скажите нам, что же происходит с не прошедшими посвящение?

Я чуть не подскакиваю, когда слышу свою фамилию; ладошки мгновенно потеют. Давно не чувствовала себя первоклашкой, не выполнившей домашку.

– Их... отпускают, – моей интонации чуть-чуть не хватает уверенности. Или не чуть-чуть.

Препад хмурится, поправляя оправу очков, и поворачивается к Бе-, обращаясь к той с неммым вопросом.

– Неверно. Их удаляют.

– Удаляют? – прежде, чем мужчина успевает одобрить, громко переспрашиваю я. – Что это значит?

На лице девушки не проскакивает ни одна эмоция.

– Удаляют, – повторяет она.

– То и значит, мисс Румянцева.

– Их убивают? – я вскакиваю со стула, глядя прямо на препода, который явно в недоумении.

Многие прикрывают рты руками, как будто произнесли что-то неприличное.

– Мисс Румянцева! – укоризненно прикрикивает мужчина, перестав хватать ртом воздух. – Останьтесь. Остальные – свободны.

Все медленно поднимаются. Некоторые пялятся на меня в открытую, другие – украдкой. Лишь Ариадна не смотрит вовсе. Может, мне и не кажется. Может, она и есть робот.

Она выходит последней, дверь закрывается, и я замечаю, что осталась не одна. Фриман тоже здесь – стоит с понуренной головой и таким видом, будто оказался в другой вселенной.

Препад кидает на меня неопределённый взгляд, и поворачивается к парню, решив сначала разобраться с ним.

– Дерек, что происходит?

Значит, вне класса он обращается на «ты».

– Вы сами знаете, – угрюмо бурчит Фриман. – Через неделю меня удалят. Конец моей никчёмной жизни.

Мужчина мнётся, не сразу находя слова.

– Не говори так, ещё ничего не решено.

– Решено! – неожиданно резко выкрикивает парень, что я ойкаю и прижимаюсь к стене, где стою. Он смахивает темную чёлку со лба и задирает рукав. – Вы сами знаете! Все это – показуха, они заранее определяют предрасположенность...

² белиберда – что-либо несостоящее, несуразное, глупое; вздор, бессмыслица

На его предплечье – маленькое белое пятно, и я не понимаю, что оно означает. Только хочу приглядеться, как Фриман разворачивается ко мне пятой точкой, видимо, чувствуя заинтересованный взгляд.

– Они изъяли чип? Не знаю, когда: может, во время сна, или... не знаю, – неловкий качек головой.

– Это ничего не значит, Дерек, – преподаватель берет его за запястье, пытаюсь успокоить. – Возможно, просто повторная инъекция. Не беспокойся.

Парень неуверенно кивает и разворачивается, направляясь к двери. Он даже не смотрит на меня, в отличие от препода, который пялится с нескрываемым возмущением.

– Василисса! – укоризненно протягивает он с акцентом, как только дверь захлопывается. – Что это было? – потрудитесь объяснить.

Я затаихаю, не зная, что сказать. Да и есть ли варианты?

Пару минут я молчу и думаю. А потом... Потом дамбу прорывает.

– Да черт подери! Я не понимаю, что здесь происходит, не по-ни-ма-ю! Если бы вас против воли привезли в большую консервную банку, заперли и заставляли учить правила какого-то нереального мира – не думаю, что вы бы умирали от счастья! Если бы заставили бегать сто кругов под надзором психов – вы не были бы рады! Да у меня в голове какая-то штука стоит, которая при каждом слове взрывается болью! Меня могут убить, если я не пройду эту чёртову... бред этот!

Я сдуваю локон с лица и пытаюсь отдышаться. Переполняющая меня злость никуда не уходит, она вдруг забурлила с новой силой.

Препода же выслушивает все на удивление спокойно, будто встречался с таким уже сотню раз.

– Я передам стражу информацию о состоянии психологического здоровья. Кто твой наставник? Петра?

На автомате выпаливаю, все еще тяжело дыша:

– Смазливое личико.

– Кто? – он хмурится.

Я потираю шею.

– Владимир то есть. Знаете, высокий такой и вечно хмурый. В плаще ходит.

Он сводит брови сильнее, а затем выдаёт:

– Хорошо. Передайте, что я его вызывал. Можешь идти.

Я ещё не привыкла к его странному чередованию обращений, но послушно киваю и бегом направляюсь к двери. Нет желания задержаться здесь на лишнюю секунду.

Одиночество

– Ты быстро, – Ди, как и всегда, улыбается. – Сбежала?

Я качаю головой, переводя взгляд на Влада и обратно.

– Да нет, просто пришла к концу, – легко пожимаю плечами, решив не говорить правду. Особенно «моему наставнику». – Смазливое личико, мог бы и поздороваться, – теперь машу ему рукой.

Парень сидит на матах, рассматривая нас с высока, и все также хмуро молчит.

– Тогда ты готова к тренировке, – ещё одна очаровательная улыбка от альбиноса – и я за себя не отвечаю.

– Угу, – послушно киваю, – но... ой!

Рядом с глухим стуком приземляется Владимир. Он выглядит чуть менее угрюмым, но, по-моему, это обратно пропорционально его тону, который явно стал жёстче.

– Ложь.

– Что? – вскидываю брови.

– Ты постоянно врешь, пытаешься отлынивать. Ты ленивая, Василиса, и упрямая. Никаких поблажек не будет. С этого момента.

Я хотела бы спросить: «А до этого они были?», но... впрочем, кому я вру? Так и случается.

– А до этого они были? – злобно фыркаю.

– Да, – многозначно отвечает он.

Не злясь.

А мне жутко хочется его разозлить.

– Ты не заставишь меня делать то, чего я не хочу делать, – сквозь зубы произношу.

Он смотрит на меня достаточно долго, не уводя взгляда, вновь... будто ища изъян.

Видимо, не только я его ненавижу.

Видимо, это чувство взаимно.

– Заставлю.

Его немногословность начинает бесить.

– Отлично! – я моргаю первой, разворачиваюсь и направляюсь к двери.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Не знаю, схожу ли с ума, но сейчас я чётко уверена, что у меня в голове что-то есть, что-то, блокирующее нечто важное. Часть меня, моей жизни просто стёрлись. Это так.

Стоит попытаться вспомнить – выстрел в голову, барабаны, – и я без сил. Заставляет задуматься, не так ли?

Тем не менее, своё обещание я исполняю, и целый день полностью избегаю Влада. Дибегает между нами, потом забывает и идёт гулять со своей очередной пассивей.

Единственная, с кем я общаюсь, – Катрина. Которая, впрочем, тоже пытается избегать встреч и какого-либо вида общения.

А ещё ее бесит собственное имя.

– Ты любишь пирожные?

– Нет.

– А шоколад?

Она мотает головой, разворачиваясь.

– Может, мороженое?

– Нет, мисс, я подобное даже не пробовала, – резко отвечает девочка.

Я вскидываю брови, делая вид, что не замечаю ее злости.

– Серьезно? Надо обязательно попробовать. Тебе понравится.

– У нас подобного вы не найдёте, это вредно. «Здоровая пища – залог успеха. Повиновение – залог счастливой жизни».

– Что? Повиновение?.. Они тебе хорошо мозг промыли, Кать.

– Я не «Кать», – пылит девочка, вновь круто разворачиваясь. – Хватит, мисс. Прекратите. Я не ровня вам, а вы ведёте себе не подобающе хранителям. Нам не стоит вовсе общаться.

– Очень хорошо промыли, – подвожу итог я.

Рука перехватывает меня в коридоре и крепко сжимает предплечье, разворачивая.

– Ты хочешь умереть больше, чем казалось.

Я закатываю глаза и дёргаю рукой, пытаюсь освободиться.

– Отвали, у меня нет настроения язвить.

Руку сжимают ещё сильнее, но я и вида не даю. Обойдётся.

– Что в лекционной было? Что за истерика при всех? Если хочешь выплакаться – есть Ди. Плачь ему в жилетку.

– Это все? – равнодушно интересуюсь.

– Ты дала имя служанке. Ты подслушала наш разговор с Ди. Ты не общаешься с другими хранителями. Ты игнорируешь тренировки. Ты не соблюдаешь правила. Ты...

Я начинаю активно дергать рукой и, нахмурившись, прерываю:

– Откуда ты все это знаешь?

– Тебя только это интересует? – Почему он так много хмурится?

Уверенный кивок.

– Если тебя убьют – это не мои проблемы, – страж отпускает мою руку. – Иди.

– И тебе приятного вечера, Смазливое личико, – выдавливаю улыбку я и, потирая предплечье, иду дальше по коридору.

Больше с Владом мы не общались.

Это очень редкие встречи на завтрак, обед и ужин, на которых все молчат. Ди вскоре обижается на нас и после сидит с Петрой, которая выглядит чуть лучше, даже практически не рыдает.

Я назло всем не уйду со своего места (да и куда?), Владимир поступает также.

Посмотрим, кто кого.

К слову, я все-таки тренируюсь, но по своей системе, одна, без всяких придурков. И подобное кажется более эффективным.

Но... мне все время не по себе, и дело не в замкнутом пространстве. Не общаясь ни с кем, начинаешь медленно сходиться с ума; даже Катрина сбегает от меня и обходит за километр, только заметив. Хотя к имени она привыкла и, по-моему, ей даже нравится быть «особенной».

Она хороший ребёнок, я люблю ее, не зная, за что.

Она для меня воспоминание, которое стёрли.

– У Влада из-за тебя куча проблем.

Ди непривычно хмурый, даже злой, странно его таким видеть.

Я замечаю, что он едва хромает. С чего вдруг?..

– Я солнца не видела уже месяц, у меня тоже проблемы, – бурчу в ответ, устало облакачиваясь о стену.

– Это серьезнее.

Когда закрываешь глаза – становится легче. Немного.

– Ты волнуешься... – Я не вижу, но уверена, что он кивает. – И что? Что надо сделать?

– Просто веди себя, как того требуют. Это не так сложно, правда, – я открываю глаза, когда альбинос морщится. Он кусает губы. Или...

– Ты дрался? – как не пытаюсь, волнение скрыть не удаётся.

Ди слабо, вымученно улыбается.

– Я страж. Мы всегда дерёмся, просто в этот раз немного жёстче. Идёт подготовка.

– Подготовка? К чему?

Он машет рукой:

– Неважно, Вась. У нас немного другие порядки, и те, кто не вписывается в систему, легко удаляются. Я не хочу, чтобы с тобой подобное произошло, подумай о...

Бам! – барабаны. Голова резко болит, причём в этот раз гораздо сильнее обычного; я хватаюсь за неё и мгновенно оседаю на пол, стараясь не зареветь.

Больно! Как же это больно!

Ди что-то кричит, но из-за этого было только хуже. В ушах пищит.

Проходит несколько минут, прежде чем это проходит.

– Вася, Вась?..

Я мычу в ответ, боясь нового приступа боли.

– Ты в порядке?

– Да.

Забавный факт: после того, как боль уходит, она перестаёт казаться невыносимой.

– Почему это происходит? Ди, почему?

– Я не...

– Правду. Говори правду.

Он смотрит, разворачивается и уходит.

Я не знаю, откуда появилась эта угнетающая обстановка, но она, как ни странно, угнетает.

Ещё один забавный факт: проблемы приходят неожиданно, как раз тогда, когда их не ждёшь.

Моё общение сузилось, и теперь я вовсе сама по себе. Ди игнорирует меня, Катрина пропадает в делах.

А мне делать нечего.

Поэтому приходится тренироваться целыми днями, чтобы хоть чем-то себя занять и не сойти с ума, окончательно.

Надо признать, я могла бы общаться с остальными будущими хранителями, но это – предательство принципов. А принципы – то, благодаря чему мы существуем.

К тому же, у нас взаимонейтральные отношения, которые нарушать никак не хочется.

Изредка мне сообщают о лекциях, которые я благополучно прогуливаю, и сообщать перестают.

Меня не существует для них, и это к лучшему.

Я думаю, что утро начнётся, как обычно. Но понятие обычно в моей жизни отсутствует.

– Вася! Вставай! – крик, который никак не хочет заглушаться. – Ты опоздала на час, понимаешь?!

Проходит пару секунд, прежде чем я понимаю, кому принадлежит голос, и тяжело поднимаюсь.

– Чего? – сонно произношу, потянувшись.

– Сегодня отъезд был, в дворец Весны, хранитель тебя подери... вставай!

Видеть и слышать Ди кричащим странно. И смешно.

Он до безумия похож на плюшевого мишку, когда злится.

– Да встаю я, – весело хмыкаю, спрыгивая с кровати, и тянусь за формой, как парень прерывает:

– Нет, в этот раз парадная.

Парадная – это такая же, только белая, – понимаю я, когда вижу свёрток с одеждой.

Ну, ещё воротник пониже и есть золотые полоски на руках.

Ди выходит, я одеваюсь, начинаю причёсываться, как его терпение лопается.

Приходится завязать хвост, со спутанными волосами.

Мы идём молча, и тишина угнетает больше, чем что-либо ещё.

– Куда идём?

– Дворец Весны.

– Мило. Что это?

– Вам на лекциях рассказывали.

Я не могу дать характеристику диалогу, потому что он и есть такой – сухой, без эмоций, как будто речь о погоде.

– Как у тебя дела? – спрашиваю, желая поддержать разговор. Он мне жизненно необходим.

– Как... дела? – это удивленный тон. – Меня никто никогда не... Хорошо. В общем.

– В смысле «никто, никогда»? – я свожу брови. – Даже врачи?

– Врачи? Нет, – качает головой. – Стражей не лечат. Это... по-вашему, естественный отбор. Те, кто не умеют выживать, нам не нужны.

– То есть... даже... антисептик?

– До ста лет – нет.

Я давлюсь воздухом и кашляю, останавливаюсь, выпучиваю глаза.

– Ч-чего?!

– Что тебя удивило? – Он не останавливается, и мне приходится догонять.

– Сколько тебе лет?

Передо мной стоит двадцати восьмилетний парень, который говорит:

– Около... тысячи? Не знаю точно, надо в архиве глянуть.

Я, так и выкатив глаза, бормочу:

– Выглядишь... моложе. Лет на девятьсот... моложе.

– Я тогда ребёнком был, – усмехается Ди.

Да уж, столетний ребёнок.

– И год твоего рождения?..

– У нас немного другое летоисчисление, по вашим меркам это примерно 1019. Хранители времени замедляют наше старение.

– А Влад?

Ди качает головой.

– Он не совсем... В общем, там сложная история, но он младше меня, если посчитать.

– Расскажешь?

– Влад что-то вроде эксперимента хранителей. Они часто такое устраивают, но об этом позже, – он улыбается и, резко развернувшись, прикладывает руку к стене.

Дверь распахивается.

Меня ослепляет яркое солнце и... ветер, я чувствую ветер.

Никогда бы не подумала, что именно его мне не хватало. Не хватало ветра, не хватало свободы.

Из-за эйфории я не сразу понимаю, что то, что ослепляет, то, где мы находимся, – пустыня. Огромная, бездыханная и не такая жаркая, как изначально могло показаться.

– И что дальше, пешком? – хмыкаю я.

– Сейчас приедет Влад. Попытаешься сбежать – у меня есть полное право тебя вырубить, – альбинос мило улыбается. Я выдавливаю улыбку в ответ, далеко не милую.

Тут слышится громкий рёв мотора, и из-за горизонта показывается чёрная точка, увеличивающаяся в размерах.

Это огромная чёрная машина с огромными колёсами, – всё, что могу сказать. По-моему, усовершенствованный джип.

Я перевожу взгляд на Ди, задавая тому немой вопрос.

– Знакомься – единственное, к чему Влад питает тёплые чувства.

Я не уверена, что он шутит, несмотря на тон.

– Далеко ещё? – стону я с заднего сидения, где уже успела и посидеть, и повалиться, и даже постоять на голове.

– Ещё немного, потерпи, – отвечает Ди. Только он и отвечает, и разговаривает, Смазливое личико же всю дорогу молчит.

И бесит меня этим.

– Я есть хочу.
– Ты только что ела! – возмущается альбинос.
– И ещё хочу. Сладкого. Шоколад, пирожные, конфеты...
– Что это? Вид мяса? Овощи?
– Вкуснятина это, – заверяю я, убедительно покивав. – Разве вы не должны выполнять просьбы хранителя?

После недолгого молчания слышится:

– Ладно.

Я замечаю, что Влад качает головой, но ни слова не говорит.

Мы выезжаем на трассу, а через некоторое время тормозим на заправке, и я тут же порываюсь открыть дверь.

– Ты остаёшься в машине, – после безуспешной попытки слышится хмурый голос. – Ди, проследи за ней.

– Эй, он тоже хочет посмотреть на обычный магазин, – резво парирую я.

Ди подлавливает и активно кивает под все такой же неодобрительный взгляд.

В результате они сошлись на том, что за пару минут я никуда не денусь.

Быстро кидаю им вслед:

– Купите мне побольше пирожных.

Они выходят, некоторое время машу из окна ладошкой, а потом, когда фигуры скрываются в магазине, быстро перелезаю на передние сидения.

Наивные стражи.

Ключей нет, но на это и не рассчитываю.

Нужен какой-то тяжёлый предмет.

Я открываю подлокотник и ненадолго зависаю: он напичкан странным оружием, непохожим на обычное. Оставить меня с оружием в машине? Тьфу, будто только познакомились.

Верхнее похоже на автомат, но вместо патронов внизу прозрачная склянка с жёлтой жидкостью, слева и справа прикреплены дополнительные ручки, рычаги, несколько кнопок. Выглядит внушительно и... тяжело. То, что надо.

Автомат действительно оказывается тяжелее обычного. Настолько тяжелее, что я его еле поднимаю и с трудом подношу к окну.

Удар!

Не выходит, но машина визжит настолько громко, что я жмурюсь и едва удерживаюсь от желания зажать уши.

Выдыхаю – ещё удар!

Стекло разлетается на осколки, некоторые попадают в машину, больно ударяя по рукам, но большинство вылетают на улицу. Теперь счёт идёт на секунды.

Я пытаюсь аккуратно и быстро выскользнуть, но эти понятия взаимоисключают друг друга. В руку впиваются осколки, ногу пронзает стекло, я с глухим стуком валюсь на землю и, не давая себе отдышаться, подрываюсь и бегу вперёд.

Вперёд – это до первого столба, потому что на улицу выбегают Ди с Владом, явно злые.

Я прижимаюсь к столбу и аккуратно выглядываю. Надо словить момент, чтобы забежать в магазин, а там по-любому есть кто-то из нормальных людей.

Этот ужас закончится.

Если он умеет заканчиваться.

– Черт! – громко ругается Ди, запуская руку в белую копну волос. – Василиса блин.

А Влад... молча направляется в мою сторону.

Я тихо ругаюсь и быстро проскальзываю за чью-то машину, сажусь, облакачиваясь о колесо.

Становится почему-то страшно.

Если меня найдут – другого шанса сбежать может и не быть.
Я выжидаю момент, и, когда Смазливое личико отворачивается, со всей возможной скоростью бегу в магазин.

– Вам помочь, мэм? – серые глаза кассирши смотрят на меня.

Я упираюсь о стойку и произношу, все ещё волнуясь:

– Меня похитили. Пожалуйста, позвоните в полицию, они здесь.

Женщина сначала не верит, шурясь, смотрит на меня, а потом вдруг прикрывает рот рукой и кивает.

– Это те... о, Боже! Милая, подожди, сейчас я...

Она быстро хватается за телефон, но суровый голос ее останавливает:

– Не стоит.

Я судорожно вздыхаю и тут же перелезаю через стойку.

Женщину это не останавливает, и она ловко набирает номер.

– Ал?!..

Кассирша не заканчивает.

Закашлявшись. в ужасе распахнув глаза, она валится на землю. Из ее груди торчит кинжал.

Я тихо вскрикиваю, прикрыв рот руками.

Отступаю. Молча смотрю на Владимира, хватая ртом воздух.

Я перестаю бояться, страх уходит, и ненависть заполняет меня до краев.

Нельзя ненавидеть и бояться одновременно. Те, кто говорят обратное, недостаточно ненавидят.

Он убил ее. Он убил человека.

– Придурок, дебил, убийца! – самое скромное из того, что я кричу, швыряя в стража все, что попадётся под руку.

Когда ему в грудь прилетает касса, он не выдерживает и в два шага пересекает расстояние между нами.

Владимир прижимает меня к стене, и как я не пытаюсь его ударить, выходит только глупо дрыгать конечностями.

– Придурок! Ненавижу тебя и всех ваших! Ненавижу!

Он не реагирует, будто бы давая мне выговориться.

– Ненавижу-у! – не помню, в какой именно момент моя ненависть превращается в истерику, не помню, когда по щекам хлынули горячие, обжигающие слезы.

– Это урок. Все попытки сбежать стоят жизней невинных людей, и цена с каждым разом возрастает. Ты поняла?

Я всхлипываю, не оставляя попыток его ударить.

Перед глазами все ещё стоит застывшее в ужасе лицо женщины.

Возможно, у неё была семья, дети... возможно, ее ждали, а сейчас...

– Ты убил ее! Убил! – мой голос срывается, и я чувствую пустоту.

Нет.

Я вдруг просто отключаюсь, обмякая в его руках и сдаваясь.

А потом – специально долго не просыпаюсь.

Ни когда Ди зовёт меня в машине, ни когда Влад несет на руках, ни когда меня кладут на что-то мягкое и снова зовут.

Не хочу. И не буду.

Когда ты видишь это... человек умирает, забирая с собой частичку твоей души.

Как я узнаю позже, к насилию быстро привыкаешь, но первая боль остаётся навсегда.

Глава 5. Принятие

Дворец Весны

– Снова хочешь тренироваться?

– Нет блин, просто так пришла, – буркаю я, параллельно расстегивая куртку.

Смазливое личико смотрит на меня с долей недоверия, но в итоге кивает.

– Начнём с разминки – тридцать повторов галопом, время пошло.

Я ни слова не говорю, хоть и названная цифра кажется недостижимой.

Влад тренирует меня, как стража, и я быстро осознаю плюсы таких занятий.

Я буду сильнее, я смогу противостоять ему.

Если надо, смогу убить его.

Есть разница между местью и справедливостью, но иногда эти понятия совпадают.

– Послушай...

– Я пришла не чтобы слушать, а чтобы тренироваться, – пытаюсь дышать через нос, прерываю..

Больше он не произносит ни одного лишнего слова, за исключением команд и приказов.

Термина «просьба» страж, походу, не знает.

Когда дело доходит до ближнего боя, я стараюсь, как никогда, врезать Владимиру, ранить его лезвием кинжала, причинить ему боль...

Но выходит лишь каждый раз промазывать, падать и заново вставать, стиснув зубы.

– Ты вымотана, – он хмурится, в очередной раз отклоняясь от удара. – Хватит на сегодня.

Я не обращаю внимания на эти слова и еще раз замахваюсь.

Парень тормозит мой кулак в воздухе.

– Я сказал хватит, – на удивление спокойным тоном повторяет он, опуская мою руку.

Ещё вдох.

Ещё один выпад, резко поднимаю ногу и...

Снова перехват, снова пол, снова боль в лопатках.

– Главное в бою – уметь вовремя остановиться; никогда не идти на поводу у эмоций.

Поняла?

Я просто продолжаю смотреть на него.

Влад выдыхает.

– Иди.

– Меня зовут Василиса, и... черт, я хрен знаю, что здесь делаю.

– Вася! – едва сдерживаясь от хохота, упрекает Ди. – Давай ещё раз, нормально.

– Но это правда, – я спрыгиваю с трибуны. – Не понимаю.

– Ты хранитель, а судьба хранителей всегда ведёт их сюда, – штудирует альбинос, будто цитируя кого-то.

– Так и скажу, спасибо.

Я поворачиваюсь, вспоминая, как добраться обратно до своей комнаты, которая, к слову, ничем не отличается от комнаты в Центре. Только здесь стены, пол и потолок не железные, а каменные.

И везде окна. С огромными решетками и никогда не открывающиеся, но...

не думала, что буду так радоваться стёклам с видом во двор.

Не думала, что буду так радоваться каменным стенам.

– Ты куда?

– Сбежать собралась, – отвечаю с долей сарказма. И тут же машу руками, когда страж начинает хмуриться. – В комнату конечно. Спать хочу, ты ж меня рано поднял.

– А, – он запускает руку в волосы и задумчиво напоминает: – Не пропусти тренировку.

– Когда вы составите расписание?

Ди качает головой.

– В этом нет смысла, ты здесь ненадолго. Через неделю церемония посвящения, весенний бал; уже потом вас распределят.

Я в ответ киваю.

– Или удалят...

Он вздыхает, подходя ко мне, и кладет руки мне на плечи. В залах правило прикосновения не действует, что гораздо удобнее.

Нас не откидывает в стороны при каждом случайном касании.

– Послушай, ты... ты должна принять правила нашего мира. Ты должна...

Он молчит под гнетом моего взгляда. Что я должна?

Должна принять, что убийства здесь – норма? Рабство – обыденность? Телесные наказания – часть жизни?

– Я пытаюсь. Принять.

Это ложь.

Я забегая в зал, тут же опускаюсь на пол, громко дыша. А все потому, что забыла про тренировку, и пришлось бежать через весь далеко не маленький дворец, переодеваясь по пути.

Благо, Смазливый личика внутри не оказывается.

– Ты опоздала.

Я вздрагиваю и ругаюсь про себя. Как он появляется из ниоткуда?

– Прости, хранители...

– ... проводили очень интересную лекцию, и ты так увлеклась, что забыла о времени.

Я глупо-виновато усмехаюсь.

– Уже...

– ...использовала эту отговорку? – Дважды.

– Так почему третий раз не прокатило? – теперь искренне возмущаюсь под угнетающий взгляд Влада.

– Десять отжиманий.

– Эй! Я, вообще-то...

– Пятнадцать.

– Да черт, это же просто...

– Двадцать, – уже вздох. – Василиса, тебе надо изучить понятие «дисциплина».

Я поворачиваюсь, начиная разминку, и передразниваю под нос:

– Василиса, тебе надо научица пол...

– Пять кругов.

Чертыхаюсь, достаточно громко.

– Десять, плюс дополнительные подтягивания.

– Да серьезно?!

Он вздыхает.

– Так до тех пор, пока не сделаешь выводов. Пятнадцать.

И разворачивается, давая мне возможность показать его спине язык.

– Ты несправима.

– А ты невыносим.

– Береги энергию. Для дополнительных десяти подтягиваний.

Я все-таки затихаю, но сосредоточившись на упражнениях. Ведь и без разговоров воздуха не хватает.

Бегать мне, в принципе, легко, в отличие от всего остального: отжимаюсь я с высоко поднятым задом и мыслями, как бы поскорее сдохнуть; подтягиваюсь тоже ничтожно, и сколько ни пытаюсь, больше двух-трёх подходов не выходит.

– Достаточно, – качает головой Влад на мои бесполезные попытки. – В чем минус самостоятельных тренировок – ты не регулируешь нагрузку, даёшь себе поблажки, результат отсутствует.

Я хмурюсь, не сразу вникая, и спрыгиваю с турника.

– В смысле? Ты... ты что, следил за мной?

– Ещё пять кругов, вперёд.

Я неуверенно двигаюсь с места, размышляя. Откуда он мог следить за мной? Каким образом? И зачем?

Впрочем, вопросы здесь неуместны. Смазливое личико – псих, а психам не нужны оправдания. Хотя осадок остаётся.

На втором круге, когда я только ускоряюсь, Владимир резко преграждает дорогу.

Затормозить я не успеваю, заблокировать удар – тоже, и через секунду оказываюсь на земле.

– За что?.. – хнычу, потирая копчик.

Влад скрещивает руки на груди.

– Это то, о чем я говорю. Ты не делаешь выводов.

– И какой вывод можно сделать из того, что у меня болит спина и я валяюсь на полу?

– Что ты это делаешь на всех тренировках. Я использую этот приём каждый раз, в один и тот же момент.

Я оседаю, открыв рот. А ведь действительно.

– Ну, подумай, это ничего не значит, – качаю головой.

– Значит. Значит, что ты глупая, излишне эмоциональная, ленивая и упрямая девочка. Ребёнок, не признающий свалившейся на него ответственности.

– Чего? – я сжимаю кулаки. Хмурюсь. Какое этот псих имеет право оскорблять меня?

Ну, и на этом моё терпение кончается.

– Сам ты ребёнок, с психическими проблемами, – огрызаюсь, поднимаясь. – Справлюсь без помощи тебе подобных.

Влад хмурится, но продолжает тем же ровным тоном:

– Так докажи.

Я круто разворачиваюсь. Нет, это ведь всего лишь уловка? Нужно держать себя в руках. Держать себя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.